

И Р О З А

К.А.Довлатов x)

РАССКАЗЫ

Из письма в редакцию "Часы":

... Заочно закончил Красноярский железнодорожный техникум, Хабаровский железнодорожный институт и Лисичанскую школу ДОСААФ... "Более 25 лет работал на транспортных стройках Урала, Сибири, Крайнего севера, Дальнего Востока, Кавказа, Казахстана. Через них ужасающие репрессии брежневщины".

КАПИТАН

(отрывок из повести "Встреча")

В один из ноябрьских дней старшина Алексей Бабич, после демобилизации из Германии, ехал по оргнабору в Сибирь. На Западе стояла глубокая осень, в Сибири матушка-зима начинала хватать. Поезд к вечеру остановился на станции Маринск. Алексей слез и стал оглядываться: ни одного следа с минувшей войне, вокруг стояли небольшие, серые деревянные домики, в некоторых местах возвышались то ли городского, то ли районного ранга строения. Со станции он прямо направился в центр, чтобы остановиться на ночлег, а утром уже в орготдел, куда ему дали направление.

Утром старшина Алексей представился в орготделе. Там ему передали, что по разнорядке он должен поехать в отдаленный леспромхоз, что к обеду приедут на бричке за горючим и заберут его с собой...

К обеду Алексей подошел к небольшой, примитивной нефтеразливной стоянке: там нашел проводника, заправились, и проводник по кличке "Капитан" перекрестился:

- Ну, с багом, поехали!

Старая кляча со стоном потянула бричку с бочкой керосина.

- Откуда будешь, старшина? - толкнув коленкой, спросил Капитан.

- С Украины! - с гордостью ответил бравый старшина.

- Хокол?

- Хокол.

- А как зовут?

- Алексей.

Капитан успокоился, завернул из махорки "кошь ложку", присмолил и погрузился в думы. Время от времени он по привычке щекал губами, дергал вожки, торопил старую клячу по имени Глаша, бричку по лесной дороге мотало туда-сюда. Алексей с проводником все дальше и дальше углублялись в лесную глушь.

- Почему вас зовут "Капитаном"? - поинтересовался Алексей, чтобы рассеять неприятные дорожные думы.

- А почему тебя солдаты звали старшиной? - буркнул Капитан.

Алексей покосился на свои погоны и ответил:

- Потому что - старшина!

- Меня называют Капитаном, потому, что я и был капитаном! - усмехнулся Капитан.

- Каким же вы были капитаном? - с любопытством поинтересовался Алексей.

- Таковым же, каким ты есть старшина! - со знанием дела ответил капитан.

- Я, как видите, военный старшина, а вы?

- Я тоже был военным капитаном, а сейчас - всего лишь капитан над Глашей.

- А почему вы так ласково называли старую клячу? - с молодым задором стал подначивать Капитана Алексей.

- Когда ломом будешь подпоясан, то любая кляча станет Глашей и милее меня..., - загадочно ответил Капитан.

От Капитана вместе с дымом махры песьло и перегаром.. Всобще-то, он больше на чудака был похож, чем на "керосинника". Тут Алексей подумал: "Чем черт не шутит, может быть и был капитаном, но ведрами заливал за ворот и его выдворили...".

- А где вы служили? - от нечего делать спросил Алексей.

- В Китае, - ответил Капитан.

- Вы не за это дело оттуда? - показал Алексей на воротник.

- Нет, Алексей, - твердо ответил Капитан и усмехнулся.

- А ты будешь? - вдруг предложил Алексею Капитан.

- Я не пью, - отстранился от него Алексей.

- Я тоже, когда носили погоны не пил, а сейчас закладываю по потребности думы! Так что, друг мой, скоро и тебе судьба заставит и ты будешь закладывать хлеще меня! Понял?

Чтобы уйти от этого разговора, хоть и уклончиво, Алексей

согласился:

— Понял.

— А раз понял, — Капитан прилично повернулся к Алексею и из кармана ободранной кисточками шубы протянул граненый стакан, — держи! Будет тебе чистая сибирская водка из хлеба!

Капитан из другого кармана вытащил бутылку мутного самогоня с газетной затычкой, взболтнул и довольно подморгнул Алексею:

— Вишь, как пенится, значит градус крепкий! Давай, по стакану хлебистнем, и дышать легче станет, и в дороге веселее будет.

Капитан налил себе стакан, перекрестился и стал произносить молитву:

— Господи! Спаси от законов временных и от женщин беременных, от морали политической и работы физической, от пайки малого веса и "мусора" беса, от заборов высоких и этапов далеких. — Аминь! — и опрокинул маxом стакан так, что и не поморгнулся, а потом налил и Алексею.

Самогон действительно был крепким, градусов семьдесят. После стакана — Алексей долго открытым ртом хватал воздух.

По ходу закусили салом о репчатым луком. Самогон ударил в голову Алексея и он стал уже по-товарищески приставать к Капитану:

— Интересно было служить в Китае, Капитан?

— Интересно, Алексей!

— А потом?

— А потом суп с котом! — пошутил Капитан.

— Я вижу вы интересный человек, — вспотившую подстушил Алексей к Капитану. — Расскажите о себе...

— Дорога длинная. Это можно, — с охотой согласился Капитан.

— Только малость надо добавить, чтобы слова сами подкатывали к воспоминанию.

— Вы давайте, Капитан, а мне хватит! — стал отмахиваться Алексей.

— Раз хватит, так хватит! А я, все же малость для толчка разных мыслей — подмаду.

Тут Капитан вожки Глэши передал Алексею, а сам, приняв торжественный вид, стал произносить тост:

— Выпьем за то, чтобы у нас все было, друг мой Алексей,

и нам за это ничего не было! ..

Капитан остатки в бутылке не стал разливать в стакан, а аккуратно приложился к горлышку. Бутылку сунул в карман шубы, завернул из старой газеты привычную "козью ножку", запалил, несколько раз сделал глубокую затяжку, обнял Алексея по-мужицки и стал вспоминать свое прошлое:

— Друг мой, Алексей, всё в жизни сложнее, чем нам кажется. О хорошей жизни и службе и я мечтал, а вот в один день судьба перевернулась, все штурвал на выворот, и так катится, катится... Всё по наклонной... А, да что там! ..

Капитан, чувствовалось, внутренне собрался, вздохнул всей грудью, и вроде высвободив душу от мук, сосредоточил рассказ о своем прошлом.

— Когда-то и я был командиром роты охраны в многострелковой дивизии. В основном охраняли боевые склады, склады ГСМ (горюче-смазочных материалов). Однажды, заступил дежурным офицером. День был воскресный, в тот день наряд на кухню заступили тоже из моей роты. Получили они продукты. Тут старший по кухне сержант Голиков вспыхах прибежал и доложил, что дров не хватит на приготовление пищи, на что я ему по-армейски ответил: "Проявляйте солдатскую находчивость!" Голиков-то проявил находчивость.

Си ведал бензином, ну и обменял с гражданскими бензин на дрова... На другой день уже я сидел в одиночной камере.

Весь январь велось дознание. Перед Трибуналом предстали трое: я, Голиков, и китаец. В перерывах на суде майор контрразведки все уговаривал меня, чтобы я особо не пер, не спровоцировал. После суда, мол, повезут меня во лвиадиносток и там отпустят на поселение. Если же я начну что-то кому-то доказывать, то это плохо кончится... Чувствовал, что высокому начальству надо найти крайнего... Нам, по сфабрикованным документам, предъявили шесть железнодорожных цистерн бензина, на несколько сот тысяч рублей. Всем выдали, никого не обидели... Капитан замолчал, потом усмехнулся:

— Ну, мне на гризу повесили — червончики. Вспоминается первый шаг в камеру: как только бросили меня туда, сразу сбступили уголовники. Исследовали разные вопросы, — уголовники выискивали слабые стороны, чтобы потом на этом сыграть, превратить в камерного холста. В основном же, в камере были офицеры разных

рангов, грамоты и имора хватало. Все стены были разрисованы разными фантазиями, кто попадал туда, - после знакомства, начинал изучать их. И я стал читать настенные надписи: "Кто не был здесь - тот будет, а кто был - тот не забудет. Смерть тому отниме и до века, кто тюрьмой хотел исправить человека! Бог создал вора, а черт - Прокурора! Тюрьма - не школа - прокурор не учитель!" и т.д. Короче, было чему поучиться, но тут к себе вызвал "Пахан" камерн:

- Раз попал, Капитан, значит надо учиться познать вещи по-тиремному. - И он стал последовательно показывать и объяснять вещи камерные: "нары", "парана", стол - "слон", а стулья - "слонята", веник - гитара" и так далее.

Из Китая привезли меня на барже, как сейчас помню: "Степан Разин" во Владивосток, оттуда на поезде в порт Ванино. В пересылку.

Ванинский пересыльный пункт из себя представлял несколько громаднейших бараков. Перед тем, как нас туда загнать - обшманили, а потом "суки" (заключенные, которые контактируют с тиремными властями!) стали тусовать нас, как карты в колоде:

- Переходи "Раковые шейки" (блатные) к раковым шейкам, а "Мужики" (работяги) - к мужикам.

После разделения "Блатных" и "Работяг", суки стали "тряхнуть" (бить вплоть до смерти) блатных, чтобы они переходили к ним и боролись против "законников". Кто соглашался, а кто и нет. Завершилась общепринятая тиремной системой обработка и нас загнали в один из бараков, где содержалось множество людей.

Барак представлял из себя сарай с четырехярусными нарами, где заключенные лежали валетом, а остальные, - кому не хватало "кроваток", - располагались под нарами и на полу в узком проходе. Внутренний порядок в бараке поддерживали "суки" с полуเมตรовым прутом, обмотанным тряпкой и с засобранным концом; им были по горбу, им же действовали как кольцем.

Кормили нас в сутки раз, иногда - два раза: давали сероватую ложину без хлеба; барак имел две двери по торцам. Через них в больших бочках завсегдили "обед", а потом несколькими мисками раздавали нам: каждый, под страхом "шиси" подхряпал к бочке, быстро опрокидывал кашницу и миску передавал следующему: главное - не задерживать очередь. Многие пристраивались в оч-

редь с чем попало, лишь бы хлебнуть глотков пойла... Только тут я понял, что голод сильнее смерти...

Навигацию 1947 года открыла баржа "Советская Латвия", загруженная до отказа. Привезли две тысячи баб и где-то столько же мужиков для пополнения бесчисленных лагерей сурового края.

По традиции, после протяжного гудка, в честь открытия навигации, в один голос вся баржа запела:

И помню тот Банинский порт
И вид парохода угрюмый.
Как или мы с друзьями на борт
В холодные мрачные тропы...

Многие из нас знали, что это - последний путь, поэтому в эту песню вкладывали всю душу. Когда *я* пели все хором, то слезы сами катились, хотя никто не плакал... казалось - стонет железное нутро баржи, стонут море, скалы...

Баржа удалялась все дальше и дальше, и голоса постепенно затихали... Был слышен лишь плеск прибоя.

Прибыли в Магадан. В столице Колымского края нас долго изувили, пока не распихали по лагерям и рудникам. Многие, как только услышали, что их направляют в отдаленный промысел "Штурмовой", тут же начинали делать "мастерки" (хитрости), чтобы спастись свою жизнь от верной смерти. Кто налечил руку или ногу, кто вводил в кровь или загонял под кожу всякую заразу. Чем дальше находился рудник от лагерных чинов, тем больше там варили промыслов. Зная это заранее, заключенные расправились с собой, чтобы не попасть на мучение. Таких отправляли в Центральную лагерную больницу на берегу Колымы.

В отдаленные промыски с тридцатого по тридцать седьмой год загоняли со всех концов без суда и следствия непрекращающимся потоком людей. Колыма, как прокорытое чудовище, перемалывала их, не оставляя и следа.

Я себя не уродовал. В числе одной из многочисленных партий заключенных, попал в промысел "Штурмовой". Местность, куда нас привезли, находилась в пятистах верстах от Магадана, на речушке Мульга, по берегам которой возникались солки. Как в той песне "...пятьсот километров тайга...". Внизу, по речке, в километрах восемидесяти-ста, находился женский лагерь - подсобное

хозяйство "Мульгинское".

В "Штурмовом" было четыре лагпункта:

Лагпункт с названием "Первый" был самым строгим: здесь содержались "избранные" - "суки" и "воры" со всех Колымских лагерей. Туда, по особому указу "старшего", помещали на два года. У них работали "законники", а "суки" - блатовали. На работу и в столовую их водили под гармошку. После работы их закрывали в бараки.

В лагпункте "Двойник" (так назывался второй лагпункт) - в основном, находились "работяги". Добывали золото и заготавливали лес. "Двойник" - это моя вотчина.

В поселке присюка находился "Центральный" лагпункт - здесь досиживали и работали в рудниках "враги народа" (политзаключенные) и те, кто после срока не захотели вернуться на материк в знак протеста против беззакония.

Четвертый лагпункт назывался "Речная". Сюда со всех трех лагпунктов собирали "дистроиков", которые со дня на день ждали прощального часа с белым светом.

Лагпункты охранялись разношерстными охранниками: самоохранниками из числа малосрочных и доверенных заключенных; вольнонаемными - из школы освобожденных и солдатами НКВД.

Лагерная жизнь тикала по своим законам, к ним надо было пристраиваться, чтобы выжить. Трудовые бригады в бараках были сформированы из пятнадцати и тридцати человек, большинство их работало на добыче золота открытым и шахтным способом, только часть валала и заготавливала лес. Везде главным показателем лагерей было золото. Норма рабочего дня ограничивалась шестью граммами золота, которые сбязан был ежедневно выбывать или добывать, хоть с неба, каждый заключенный. При не выполнении нормы лишались наполовину и так скучного питания и оставались наочные работы, пока не сядут норму.

Бригадиром у нас был "Дракон" - закоренелый преступник - громадного роста и нечеловеческой силы. От одного его взгляда у нас застыла кровь в жилах. Одним ударом он сшибал с ног любого. Бригадир сткрыто не только обирал и ущемлял нас, но и приставал к молодым заключенным со скотскими требованиями.

Наша бригада, в основном, была ломами шурфы в открытых полигонах, сверлила подземные шахты. Даже зимой, в пятьдесят

градусов мороза, работу не прекращали. Для этой цели специальные бригады заготавливали дрова на подогрев воды в большом лотке, откуда брали горячую воду и мерзлый грунт, и маленькими лотками измывали установленную норму. Квадратные - метр на метр - шурфы в вечной мерзлоте пробивали на километрах в пятьдесят, накаливали до красна камни и бросали их в выдолбленные ложами шурфы. Растигала мерзлота и в ход шли деревянные "ложки". Ими вычерчивали воду. Затем процесс повторялся. Шурфы долбили до десяти метров глубиной. При этом один всегда сидел внизу и ведрами, с помощью веревочного каната грунт и вычерпанную воду подавал вверх, а другой принимал и выливал ее из ведра. Затем зеки менялись.

Всю зиму в шахте бурили, взрывали, лебедочным скрепером поднимали породу наверх, буртовали бульдозером так, чтобы посередине буртов летом установить моечный лоток и намывать золото.

Добыча золота - это азартная игрушка. Чорой, когда натыкаешься на золотосечную жилу, то забываешь все, и как крот, роешь и роешь... Иногда в таких случаях и заваливает. Крот заличен под землей, человек - нет.

Лагерные жрецы придумывали всевозможные методы добычи золота и пропагандировали по всем лагерям, чтобы выжать из заключенных все. Но многие опытные зеки уже свободно ориентировались в режимной системе добычи золота в открытых полигонах. Они в ладони могли точно определить вес золота. Сдавали дневную норму, а остальное прятали на черный день, когда удача отверачивалась от них.

Чем дольше измывались лагерные крохоборы, тем больше чернели зеки. Однажды, даже ввели "боны". На них зеки могли купить в лагерном магазине - майки и трусы...

В лагерной жизни надзиратели зверствовали на каждом шагу: ради удовольствия они заманивали заключенных за черту рабочей зоны и расстреливали на месте, за что получали благодарность за отличную службу Родине. Самым бесчеловечным был у нас Анисимов - высокого роста, самодовольный эверэрга. Он ни минуты не давал перекура на работе, орал на нас диким матом. По дороге в лагерь денимал он нас бескисечными приказами:

- Ложись в грязь, скоты, буду отстрелять!

Мы все безропотно ложились в грязь.

Потом он давал обратную команду:

- Вста-а-ать, сволочи!

И все молча вставали, грязь струями текла с нас. Насквозь
вымокшие, а кругом хлод, мрак...

Тут Анисимов давал последующий приказ:

- Садись в грязь, марсдеры! Снять шапки и молиться богу!

Мы садились в грязь, снимали шапки и ждали другую команду изверга... Что еще придет ему в голову? В лагерь Анисимов приводил нас грязных, как чертей, но со строевой песней.

Начальником "Дальстроя" был Гаранин. С его молчаливого согласия стравливали уголовников с политзаключенными. Были дикие драки до смерти. Единственным утешением и надеждой был для нас замполит Волчков, лейтенант среднего роста лет двадцати пяти - двадцати восьми, он всегда останавливал бесчинствующих:

- Что вы делаете, ведь сини наши люди! Отбудут каждый свой срок и станут такими же, как и мы...

Лагерная жизнь была нестерпима. Я однажды сказал об этом "Геркулесу" - начальнику лагеря. Тот диким матом засрал:

- Ах ты, мерзавец, шантажист, отказываешься работать?
Поса-а-адить ско-о-сти-ну в БУР (барак усиленного режима).

Бур был разделен на отдельные, одиночные камеры с небольшими щелями на дверях. Печка топилась только в углу коридора и через щели должна была ставить камеры. За стеной стояли лютые морозы, а источник топил печку сырьими дровами. Кормили "от души" - триста граммов хлеба и кружка воды, а через десять дней давали миску горячей баланди.

В лагерях стала свирепствовать цинга. Руководство лагеря на Тридцать граммов срезало норму хлеба под предлогом, что из дрожжей и кедрового сланца готовят отвар - спасительную микстуру против цинги. Псали нас этой горькой, неприятной бурдой, давали по сто граммов за раз. От недоседания, ужасного холода я стонал, как дистроик. У меня спухли ноги и правая рука. Через месяцы меня и нескольких таких как я под руки вывели из БУРа к лагерному фельдшеру.

Лагерный фельдшер, Василий Иванович, - из заключенных. Имел десять лет срока. Он человечно смыслился к нам. Как только увидел обмороженные мои ноги и руку, тут же стал чуть ли не умывать:

- Серафим Липатович, я прошу, выходите хоть на один день

на работу, чтобы я мог взять вас на лечение! Иначе - гиблое дело... - и он безнадежно развел руками.

Превозмогая боль, я спросил:

- Как же мне идти на работу, если я не в силах, я не могу выработать норму, бригадир прибьет меня на месте. Василий Иванович!

- Серафим Липатович, - умоляюще сказал доктор, толстенький и добродушный (как я сейчас обнял бы этого человека!). - Выход на работу - это необходимое условие, иначе я бессилен перед руководством лагеря...

Я согласился. Вечером меня из лазарета забрали в лагерный барак, там всё было по-прежнему: до полуночи не уснуть - шум, гам, драки. Бригадир настойчиво добивался молодого заключенного Егора. Как Егор мог, так и сопротивлялся. Но бригадир открыто, по-звериному оскалившись, в ярости кинулся на него; тут я не выдержал и высказал всё, что о нем думаю. Остервеневший бригадир одним ударом сшиб меня с ног и был до тех пор, пока не успокоился.

Утром Егор, весь в синяках, еще с одним товарищем тащили меня под руки на работу.

В рабочих зонах ежедневно для верховодов и блатных делали "брос". (в условленных местах оставляли самогон или спирт с харчами). Бригадир и Анисимов стали разделять очередную трапезу, а нас заставили сделать два больших костра. У крайнего расположился греться Анисимов, у среднего - бригадир. На спределили долбить лесами и кирками шурфы. Я находился под непосредственным надзором Анисимова, а Егор - бригадира. Пошли в ход издевательства:

- Если, скотина, две нормы не выдашь, то вечером пойдешь в БУР и конец тебе, - заявил Егору бригадир.

А Анисимов при всех предупредил меня:

- Лоходяга, если норму не выдашь - пристрелю на месте, как дохлую собаку...

Анисимов курил у пылающего костра и от жары отворачивал лицо в сторону, я же коченел на виду у всех и знал, что до вечера при всем своем желании не выдержу. Так и не выдолблю себе могилки.

Бригадир около своего костра сделал себе из лапника лежанку и стал подгонять Егора;

Монотонный ритм ударов кирок вдруг разорвал дикий крик. Все, кто были рядом оглянулись и увидели Егора, стоящего над бригадиром, из груди которого торчала кирка. Все на миг опешили, не зная, что предпринять. Это было до того дико и неестественно, что люди не сразу сообразили, что к чему.

Переполох поднялся на глазах - чуть позже, обежались, обступили уже бездыханное тело бригадира и Егора, дрожащего, дико вращающего глазами. Анисимов, подбежав к Егору, ударил его прикладом, сбил с ног. Щелкнул затвор, но тут десятки рук вцепились в карабин, не дав выстрелить...

Назревал бунт. Анисимов закричал, зовя на помощь других конвоиров, находящихся поодаль. Не знаю, что руководило мной, какая сила заставила бежать из этого кошмара. Но сих пор не пойму, почему меня тогда не пристрелили... Пришел в себя возле лагеря. Попросил охранника провести меня к начальнику и рассказал о случившемся. Это обстоятельство спасло меня от прибавки срока за побег из рабочей зоны. Через пару минут отряд скраников уже мчался к взбудораженным зекам. Анисимов все же получил свою порцию за мое отсутствие и вечером открыто заявил при всех:

- Ты теперь у меня, скотина, никуда не денешься! Все равно я тебя застрлю, как вонючу собаку!

Меня снова повели в БУР.

Через несколько дней выездной суд в клубе лагеря судил Егора. Все заключенные заступились за него и осудили жестокость бригадира. За убийство Егору добавили всего три месяца (боясь реакции людей) срока и узвели к "строгачам".

В БУРе я зачах еще больше и меня снова перебросили к дистроикам. В "Речном" лагпункте я не оставался без внимания. Василий Иванович тайно помогал и я постепенно стал отходить. Со временем сдружился с заключенным по кличке "Дипломат" (так его звали за то, что он знал шесть иностранных языков). вместе с "Дипломатом" я и несколько мне подобных доходяг, делали бирки с номерками, вешали на хмурей и хорснили их.

В один из прекрасных дней "Дипломат" умудрился себя "захоронить" под номером и по документам, подлежащим освобождению, но умершего зека, и смылся. В магаданском аэропорту Дипломата случайно узнал начальник нашего лагеря и вернул, добавив ему "трешку".

Липга в лагерях косила наповал. Не успевали хоронить. Зап. II.

болел шнурой и я: на спине появился кровоточащий волдырь, который стягивало к заднице. Одной ногой я был уже на том свете...

Но выдержал и на этот раз. Когда я вернулся в лагпункт "Двойник", Анисимов заявил мне:

- Все равно тебя застрели: живым тебе от меня не уйти...

Спас меня снова Василий Иванович; по записке которого меня пристроили к лагерному хлебозаводу. Бригады бурили шурфы днем, а я вечером с взрывниками заправлял эти шурфы взрывчаткой. Меня использовали, как носильщика. Летом объем взрывных работ увеличивался. Было еще труднее.

Голод и изнурительная работа выматывали всех; заключенные стали открыто "шакалить" - становились они кучками у хлебораздачи и на ходу выбивали подисс с хлебом на бригаду, расхвачивали и хуя, бекали, кто куда. Иногда догоняли, иногда - нет.

В "Первом" лагпункте воры-законники, в знак протеста против произвола "сук" постепенно, по грамму собирали амснит, сделали "курспатку" (или самодельную взрывчатку) и, когда шли в столовую, бросили в барак "сук". После чего воры стали брать верх над "суками".

Из-за дня в день жизнь заключенных в лагерях ухудшалась. Распространились слухи, что начальника "Дальстроя" Гаранина разоблачила сестра: она приезжала на побывку к нему и увидела... не своего брата! Броде бы его убрали, а вместо него поставили другого, который отравливал уголовников и заключенных политических.

Поднялся бунт, были обезоружены конвоиры и власть поменялась.

Бунтовщики в одну из ночей перебили и наших конвоиров, только Анисимов успел хоть и в одних кальсонах, но убежать. Открыли двери бараков и предложили желающим идти с ними для освобождения других лагерей. Все заключенные были озлоблены до крайности. Кто хоть чуточку надеялся на себя, что доберется до другого лагеря - уходили. Я остался с кслеками и безнадежными в бараках, так как мои обмороженные в КУРе ноги уже не ходили.

Анисимов успел сообщить с надыгающимся бунте близлежащим охранникам лагерей и они вызвали дополнительные войска на уничтожение бунтовщиков. Заключенные стояли на смерть. Живым за-

хватили только двух обескровленных...

После бунта выяснилось, что наш начальник лагеря за счет пайка заключенных держал подсобное хозяйство, где откармливали свиней для продажи. Его осудили на двадцать пять лет и направили к соседям на присык "Водопьяново". Там его растерзали на куски... Собаке - собачья смерть!!!

Наш лагерь расформировали, безнадежных направили в "Речной" лагпункт, а меня перебросили в "Центральный" лагпункт, где я пристроился дневальным в бараке политзаключенных.

В 1949 году начальником "Дальстроя" назначили Петренко, он стал наводить порядок в лагерях, усилил питание заключенным. Они повеселились, стали работать с двойной отдачей.

Дальше жизнь потекла по другому руслу: меня расконвоировали, туда же перебрался и Анисимов, как-то он встретил удивленно меня:

- Ах, беглец! Тебя расконвироровали? Думаеть, уйдешь? Все равно я тебя застрлю! - Это была заветная, неисполнимая мечта моего "друга".

В бараке политзаключенных я слых: люди были грамотные, душевые. Обидевшись на тех, кто так распорядился их судьбами, остались умирать на Колыме, не поехали после освобождения и реабилитации домой.

Летом я убирал барак и уходил за голубикой и брусликой. Грибами была усеяна вся округа. За день я успевал набирать ведра два ягод и продавал вольнонаемным в поселке. На вырученные деньги покупал себе банку тушеники и не ходил в лагерную столовую.

Все жители поселка завидовали только начальнику присыка. Только он имел жену. Она была единственная женщина и, когда она появлялась на улице, все находящими и восхищенными глазами провожали ее, как богиню.

В те годы, в тех трудных условиях и забытых богом местах удивляли меня и "барыги" (спекулянты). Хотя на Севере и бытова ла поговорка: "Нашел золото - не бери, нашел алмаз - закопай", сми сбенивали дневную норму золота (шесть граммов) на одну закрутку самосада и успешно наживались...

Через год повсеместно распространили неприятную весть: начальника "Дальстроя" Петренко убрали, вроде как отравили. Лагерная жизнь мигом покатилась обратным путем. Надзоратели

и блатные стали бесчинствовать, только сии уже действовали скрытно и хитро - были сбухом топора по пяткам. Не оставляя следов, и отбивали у заключенных внутренности. До конца пятидесятого года не было въезда из "Дальстроя" и лагерная грязь не вносилась на материк.

В пятьдесят первом году я стал освобождаться. В последний раз перед въездом из лагерных ворот я прочитал призывающей лозунг: "На свободу - с чистой совестью!".

Северное управление находилось в поселке Ягодная, а это примерно пятьсот километров от Магадана. За документами надо было ехать туда.

Добрался туда и устроился в гостинице с неофициальным называнием "Золотой клоп". В поселке была и другая гостиница, но та была "для белых". Не пускали. В тот же день приехала туда с концертом Агитбригада Колымских лагерей, где вечером в клубе пела свои знаменитые "Баленки" Русланова... За ней залел и Бадим Козин:

У самовара - я и моя Маша,
А на дворе совсем уже темно...

Хоть небольшое, но разнообразие посетило наш быт.

В Управлении, в кабинете, где мне готовили документы, белыми буквами на красном полотне было написано:

"В условиях социализма каждый выбывший из трудовой колонии человек может вернуться к послезимней деятельности!"

Замечательно, нечего сказать...

Из поселка Ягодное, с документами на руках я на машине добрался до Магадана, впервые за долгие годы, здесь я увидел милиционера в форме, который совсем не был похож на военных лагерных надзирателей. Из Магадана до Нахodka поплыл теплоходом "Советская Россия", а дальше - домой - поездом.

Те, кто после реабилитации и освобождения не возвращались в родные места - были правы: здесь их кроме призрения и ненависти ничего не ожидало. Я тоже покрутился, покрутился и, чтобы обратись не загреметь в столицу Колымского края, смылся дожигать свою опустошенную жизнь в сибирских дебрях. Вот и всё, Алексей...

Капитан замолк, спустил голльзу, в безнадежности искачил её, плюнул на землю и стал заворачивать "козью нокку"...

Перекурили и свернули в первый попавший по дороге хутор.

Следующий день Алексей и Капитан провели в хмельном бреду среди хуторян — бывших лагерников, а к вечеру тронулись в путь.

Поздно ночью Капитан дернул вожки "Глашки" и олюнявыми пьяными губами забубнил:

— Тр-р-р-р, Глашка! — толкнул он плечом попутчика, — приехали, Алексей! Вот и твой барак, — он указал на барак, описанный им в своем рассказе о Колыме. Только без колчей проволоки.

Алексей слизавшимися глазами стал знакомиться в ночной темноте с черным бараком, где должна была начинаться новая жизнь.

Капитан, заметив недоброд, щемящим сердцем обнял Алексея и стал прощаться:

— Друг мой, Алексей, береги себя: "Береженого Бог бережет, а небереженного — конвой отережет!"

Дальше жизнь Алексея потекла капитанской дорогой...

.....